[Рец. на: / Review of:] *S. Hancil, A. Haselow, M. Post (eds.). Final particles*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. 433 p. ISBN 978-3-11-035380-8.

Владимир Александрович Панов

Vladimir A. Panov

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
vladimir.panov1986@yandex.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vladimir.panov1986@yandex.ru

Монография выпущена по результатам международной конференции по заключительным частицам (*final particles*, далее — ЗЧ)¹, прошедшей 27–28 мая 2010 г. в Руане. Монография является первым изданием, рассматривающим ЗЧ в межъязыковой перспективе. При ее составлении было принято решение не отдавать предпочтение какому-либо одному теоретическому подходу в силу невозможности на настоящий момент охватить весь спектр функций ЗЧ в рамках какого-либо одного из них. Вопрос выбора теоретического подхода для описания значений / функций частиц (в широком понимании) является нетривиальным, ср. пессимистический взгляд на это Ада Фолен: «Modal particles are so elusive in their meaning, that nearly every theory seems to feel it. (...) In my appreciation, if one looks for a theoretical framework for the analysis of modal particles, Grice and Searle are at least as good as Sperber and Willson» [Foolen 1994: 310].

Стоит признать тем не менее, что описание частиц в крайней степени чувствительно к выбору научной парадигмы — возможно, больше, чем любые другие элементы языка.

Во введении к монографии Сильви Ансиль, Александер Хазелов и Марье Пост делают попытку привести к общему знаменателю результаты, представленные в отдельных статьях. Редакторы отталкиваются от наблюдения, что во многих языках высказывания регулярно заканчиваются некоторыми элементами, не имеющими вовсе или имеющими слабое концептуальное, но имеющими процедурное значение (в терминах [Blakemore 1987]); для этих элементов предлагается термин ЗЧ. ЗЧ рассматривается как подкласс единиц, именуемых в разных подходах и традициях дискурсивными / прагматическими маркерами, прагматическими / дискурсивными / модальными частицами, дискурсивными словами. Выделяются общие признаки ЗЧ. Кроме собственно конечной позиции в предложении или высказывании, к таковым относятся преимущественная одноморфемность, просодическая интегрированность в единицу-хозяина, безударность, отсутствие пропозиционального содержания и влияния на условия истинности высказывания, невозможность употребления в изоляции, неясный синтаксический статус (предположительно, отсутствие статуса непосредственной составляющей). Отмечается, что ЗЧ несут различную метапрагматическую информацию (например, эмоциональную, эпистемическую), а также информацию о риторической связи данного фрагмента дискурса с предыдущим и, шире, интегрируют высказывание в дискурс.

Авторы обращают внимание на то, что ЗЧ неплохо описаны для языков Восточной и Юго-Восточной Азии², в то же время практически игнорировались лингвистами применительно к европейским языкам — это связывается с приоритетом письменной формы

¹ Здесь я следую терминологии, заимствованной из отечественной японистики (например, [Прасол 1999]), использованной мною ранее также в применении к монгольским языкам [Панов 2016].

² Впрочем, отмечу, что и в языках Восточной и Юго-Восточной Азии исследования ЗЧ на самом деле находятся лишь в начале пути, и если для систем ЗЧ отдельных языков региона существуют вполне приемлемые описания, например [Cooke 1989] для тайского, [Le 2015] для вьетнамского, [Luke 1990] для кантонского диалекта китайского, то межъязыковая и ареальная перспективы ЗЧ в Азии пока практически не разработаны.

языка в лингвистической традиции [Linell 2005], в то время как ЗЧ европейских языков являются типичным признаком разговорной речи. Кроме того, к примеру, в английском языке употребление в конечной позиции таких элементов, как *though*, развилось не очень давно.

Отмечается, что большинство статей монографии подталкивают к следующему выводу: возникновение ЗЧ в типологически далеких друг от друга языках свидетельствует о преимущественно коммуникативных, а не синтаксических факторах, определяющих поведение ЗЧ и, собственно, их заключительную позицию. Отсюда вытекает и справедливость типологического подхода к материалу. Авторы полагают, что ЗЧ — межъязыковая, вполне четко определяемая типологически категория.

Предлагается классификация ЗЧ с опорой на их лексический источник: 1) союзные: например, слова со значением ‘но’, ‘и’; 2) коннекторные: ‘итак’, ‘тогда’; 3) наречные: ‘сейчас’, ‘уже’ и др. Реже ЗЧ также могут развиваться из фокусных (‘только’, ‘даже’, ‘тоже’), цитативных и вопросительных частиц, а также из глаголов движения.

В отдельную типологическую категорию авторы выделяют ЗЧ языков Восточной и Юго-Восточной Азии. Кроме «автохтонных» языков региона, ЗЧ характерны и для креольских и других контактных языков, например сингапурского английского и русско-китайского пиджина [Shapiro 2012]. Выдвигается гипотеза, что высокая значимость ЗЧ для грамматик языков этих регионов связана со сравнительно малой ролью интонации в них, в особенности в языках Юго-Восточной Азии с характерными для них сложными системами фонологических уровней тонов. Функциональность ЗЧ в этих языках отчасти напоминает функции, выполняемые интонацией в других языках, — к таковому относится, например, маркирование иллюкутивной силы или отношения говорящего к высказыванию. Другой тип функций ЗЧ языков этого региона — включение высказывания в контекст. Этот тип функций объединяет ЗЧ языков Азии с ЗЧ европейских языков, однако именно первый тип доминирует в языках Восточной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, отрицается прямая связь между наличием ЗЧ и базовым порядком слов (эти языки относятся к типам OV и VO), см. [Haselow 2012]. Конкретный состав ареала языков с ЗЧ «азиатского» типа не определен авторами, см. обсуждение возможного состава ареала в [Панов 2016] в связи с монгольскими языками.

Несмотря на большой спектр функций, характерных для ЗЧ, авторы тем не менее считают правильным выделять ЗЧ как особый межъязыковой класс единиц. В целом, по мнению авторов, функции ЗЧ можно свести к трем семантическим областям: субъективности, интересубъектности [Traugott 2010] и связности дискурса. Каждый из типов функций может быть семантическим ядром каждой отдельной ЗЧ, а может проявляться как контекстно обусловленный прагматический эффект. ЗЧ разных языков имеют сходные лексические источники (это подробно обсуждается в статье Хайне, Кальтенбёка и Кутевой, с. 111–140 рецензируемой монографии). Сходны и типы функциональных различий между употреблением одних и тех же единиц в заключительной позиции и других позициях в разных языках.

В статьях монографии подробно обсуждается материал следующих языков: английского, немецкого, норвежского, нидерландского, итальянского (диалекты области Венето), русского (архангельские говоры), финского, японского, корейского, кхмерского, китайского (путунхуа). Некоторые другие языки обсуждаются в статье Габриэлы Соарэ (с. 333–358).

Монография разделена на четыре части, статьям каждой части соответствует отдельная научная парадигма: анализ дискурса и диалога, теория грамматикализации, когнитивные подходы, генеративные подходы.

Первую часть — «Анализ дискурса и диалога» — открывает статья Педро Уренья Гомеса-Морено «Sentence-final adverbials: Recurrent types and usage». Ее предмет — функциональная природа конечной позиции предложения на примере употребления в этой позиции наречий в разговорном американском английском (на базе корпусных данных). Таким образом, статья не связана прямо с ЗЧ. Тем не менее автор делает некоторые важные утверждения о дискурсивных функциях конечной позиции в исследованном корпусе. Показано, что конечная позиция обладает эффектом прагматизации. Наречия времени, образа

действия и т. д. приобретают в этой позиции эпистемический оттенок: так, *usually* обозначает неуверенность говорящего, а *easily*, напротив, уверенность. Собственно эпистемические наречия вроде *probably* начинают выполнять функцию привлечения внимания слушающего или дискурсивных маркеров, привязывающих данный фрагмент дискурса к предыдущему. Автор заключает, что основные свойства наречий в конечной позиции таковы: 1) они показывают, что содержание высказывания противоречит ожиданиям собеседника, 2) они дополняют сообщения недостающей информацией непосредственно перед сменой ролей говорящего и слушающего.

В статье Айно Койвисто «Taking an interactional perspective of final particles: The case of Finnish *mutta*» в рамках анализа диалога изучается употребление финского союза *mutta* 'но' в конце периода в дискурсивной функции. Кроме *mutta*, в финском языке таким же образом могут употребляться союзы *ja* 'и', *että* 'так', *vai* 'или', *ni* 'так'. В [Ogden 2004: 47–51] отмечается, что *mutta* в конечной позиции часто сопровождается такими суперсегментными характеристиками, как шепот / скрипучий голос или даже определенной жестикულიацией. На материале устного корпуса показано, что основная функция конечного *mutta* — частичное отрицание только что произнесенного сообщения, при котором слушающий сам должен прийти к мысли о том, как на самом деле обстоят дела. Это может быть как выражено, так и не выражено (в случае смены темы разговора) в ответной реплике собеседника. В заключение ставится вопрос о том, можно ли классифицировать *mutta* как полноценную ЗЧ. Для американского и австралийского конечного *but* были предложены следующие критерии грамматикализации в качестве ЗЧ [Mulder, Thompson 2008; Thompson, Suzuki 2012]: 1) обязательная смена говорящего после употребления *but*, 2) контрастность по отношению к предшествующему фрагменту дискурса. Показано, что финское заключительное *mutta* не отвечает этим критериям, однако правомерность самих этих критериев подвергается сомнению.

Александр Хазелов в статье «Final particles in spoken German» ставит две цели: 1) обосновать целесообразность выделения ЗЧ в немецком языке в отдельную категорию (фактически, часть речи) и 2) обосновать целесообразность выделения ЗЧ как межъязыковой, типологической категории. Автор скорее успешно справляется с первой задачей, показывая общие просодические, синтаксические и семантические свойства, объединяющие немецкие *aber*, *dann*, *ja*, *jetzt* и *sogar*, завершающие высказывание, впрочем, несколько недоговоренными кажутся критерии выделения в различные категории дискурсивных, модальных и заключительных частиц. Решение автором второй задачи вызывает некоторые вопросы. В этой части статьи, к сожалению, не упоминается ни один язык кроме немецкого, и выводы автора о немецком материале имплицитно универсализируются. В качестве универсальной функциональной характеристики ЗЧ указывается логическое привязывание фрагмента дискурса, завершаемого ЗЧ, к предыдущему фрагменту (что, по всей видимости, верно для ЗЧ немецкого и некоторых других европейских языков). При этом во введении к монографии, соавтором которого является сам А. Хазелов, ясно говорится об иных, прежде всего эпистемических, функциях ЗЧ в языках Восточной и Юго-Восточной Азии, где функция логического связывания может вообще отсутствовать. Таким образом, автор отчасти входит в противоречие с самим собой.

Цикл о грамматикализации открывается статьей Бернда Хайне, Гунтера Кальтенбёка и Тани Кутевой «Some observations on the evolution of final particles». В ней рассматривается грамматикализация в качестве ЗЧ союзов *and*, *but* и *or* английского языка, а также некоторых близких по значению союзов немецкого и исламского языков. Авторы исходят из материала работы [Mulder, Thompson 2008], широко цитируемой в рецензируемой монографии, об английском заключительном *but*, основываясь на концепции «вставных» ((paren-)thetical) внеклаузных элементов в рамках собственной теории дискурсивной грамматики (discourse grammar) [Heine et al. 2013]. Для грамматикализации союзов в заключительной позиции (прежде всего, для трех рассматриваемых) выделены три стадии: 1) имеется самостоятельный внеклаузный просодически независимый «вставной» элемент, предполагающий продолжение мысли, содержащейся в сообщении до него (но не обязательно выраженное); 2) показатель утрачивает семантическое наполнение и имеет лишь процедурные функции

включения сообщения в дискурсивную ситуацию. Фонетическая самостоятельность начинает утрачиваться; 3) показатель полностью пуст семантически, выполняет лишь функции структурирования текста и фонетически более не самостоятелен (включен в главный интонационный контур и не отделяется от сообщения паузой). Отдавая авторам должное, отмечу, что они прямо говорят о неуниверсальности и евроцентричности своих выводов и допускают, что с привлечением материала других языков картина может заметно поменяться. Впрочем, представленные в статье наблюдения представляются прекрасной отправной точкой для дальнейших исследований в области грамматикализации ЗЧ.

В статье Юки Тейлора «The evolution of Japanese *toka* in utterance final position» анализируются пути грамматикализации, приведенные к двум разным значениям японской ЗЧ *toka*. Автор убедительно демонстрирует, что *toka* в экземплифицирующем значении («например») восходит к соединительному союзу *to*, присоединившемуся к «неопределенной» частице *ka*. В то же время, цитативное *toka* восходит к цитативу *to* и той же частице. В обоих употреблениях *toka* занимает не заключительную позицию в предложении, а позицию после составляющей или зависимой клаузы, к которой относится. В разговорной речи оба первичных значения *toka* сливаются в общей «смягчающей» функции, делая менее категоричной подчиненную составляющую или клаузу. *Toka* встречается также и в заключительной позиции высказывания. Его источником может быть *toka* в обоих первичных значениях, различие между которыми стирается. Первичное значение полностью размывается и переинтерпретируется на уровне высказывания, меняя его иллюкутивную силу: показано, что высказывание в целом звучит «мягче», менее категорично. Говорящий, использующий ЗЧ *toka*, как бы подчеркивает свою скромность и уважение к собеседнику.

В статье Румико Синдзато «Two types of conditionals and two different grammaticalization paths» рассматриваются различия в семантической эволюции японских кондиционалов *-tara / -eba* и *-ttara / -tteba*. Первый тип назван «обычным», второй — «цитативным». Показано, что лишь второй тип развивается в полноценную ЗЧ, и этому феномену предлагается многостороннее объяснение, учитывающее такие факторы, как внутренняя форма показателей, отношение протасиса и аподосиса, включение глагола речи, импликация противоречия ожиданиям. Отмечу, что статья читается крайне тяжело главным образом из-за не вполне ясной терминологии: так, хотя показатели называются «кондициональными», в статье нет ни одного примера их собственно кондиционального употребления. То же относится и к термину «цитатив» (quotative): ни один из приведенных примеров не содержит косвенной речи. Эти недостатки значительно затрудняют понимание статьи не японистами, которым в том числе адресована эта статья, учитывая типологическую направленность сборника.

В статье Сон-Ок Сон «Utterance-final particles in Korean» рассматривается грамматикализация двух корейских суффиксальных показателей цитативного показателя *-ko* в качестве ЗЧ, сигнализирующей неpreferred ответ. Показано, что на шкале между собственно цитативным значением с обязательным наличием глагола речи в главной клаузе и эмфатической ЗЧ существуют промежуточные контексты с эллипсисом главной клаузы. Также обсуждаются семантические различия между цепочками *-te-la* и *-te-la-ko* в конце предложения (используется традиционный для англоязычной корейстики термин «sentence-enders»). Если первый показатель является нейтральным эвиденциальным показателем косвенной засвидетельствованности, то второй специально маркирует новизну сообщаемой информации.

В статье «Grammaticalization of final *but*: From conjunction to final particle» Сильви Ансилы также исходит из результатов работы [Mulder, Thompson 2008] и фокусируется на британском разговорном английском (на материале устного корпуса). Грамматикализация *but* в качестве ЗЧ прослеживается статистически на основании критериев [Nopper 1991]: в конечной позиции *but* постепенно теряет свое контрастивное значение, приобретает эпистемическое значение неуверенности и ориентировано на слушающего, причем, контрастивное значение все еще более частотно. Кроме того, эпистемическое *but* больше присуще женской речи, чем мужской: автор заключает, что это является аргументом в пользу большей

экспрессивности женской речи в целом. Конечное *but* во всех значениях наиболее характерно для юга Британии. Интересным кажется наблюдение автора о связи конечного *but* с категорией вежливости: именно вежливый характер конечного *but* подтверждается его заменимостью на фамильярное *man* в той же позиции³.

Статья Тона ван дер Ваудена и Ада Фолена «Dutch particles in the right periphery» открывает секцию когнитивных подходов. Авторы исходят из традиционной концепции «правой периферии» или «постполя» (post-field, Nachfeld) предложения в германских языках, в которой выделяются две структурные позиции. Ставится вопрос о том, насколько ЗЧ нидерландского языка, практически не описанные ранее, вписываются в эти позиции. В результате тщательного анализа состава заключительных элементов разного происхождения, выявленных на основании устного корпуса, показывается, что структура правой периферии более дробна, чем принято считать, и включает как минимум три позиции для ЗЧ, ориентированных на говорящего, слушающего и связность дискурса. Обсуждается возможность описания ЗЧ в рамках разных теорий (наиболее успешной признается грамматика конструкций). Также дается краткий типологический экскурс в изучение ЗЧ, в конце которого повторяется ранее неоднократно высказанный Адом Фоленом пессимистичный вывод о том, что пока что типологическое исследование ЗЧ невозможно из-за нехватки дескриптивного материала (см., например, [Foolen 1996]). В целом статья кажется одной из наиболее удачных в сборнике, позволяет составить объемное представление о проблематике ЗЧ в целом и легко читается.

В статье Торстейна Фретхейма «A relevance-theoretic perspective on the Norwegian utterance-final particles *da* and *altså* compared to their English counterpart *then*» большое внимание уделено рассмотрению самой теории релевантности (см. [Sperber, Wilson 1986 / 1995]) и причинам, по которым именно в ее рамках удобно анализировать значение ЗЧ. Особое внимание уделяется понятию процедурного значения, противопоставленного пропозициональному. При анализе норвежского материала делается акцент на анализе соотношения значений, выражаемых частицами, и значений, выражаемых интонацией, а также на взаимодействии частиц с иллюкутивным типом высказывания. Показывается, что исконно норвежское *da* влияет на условия истинности высказывания, в отличие от заимствованного из немецкого *altså*.

Статья Марье Пост «The Northern Russian utterance-final particle *dak* as an information-structuring device», содержащая, помимо всего прочего, забавную иллюстрацию, изображающую бабушку с русского Севера, также написана в рамках теории релевантности. Севернорусские дискурсивные частицы *da* и *dak*, хотя и встречаются в разных позициях, в основном оказываются именно в конечной позиции (отмечается, что *da*, в отличие от *dak*, почти не изучена). Показано, что инвариантное значение *dak* — логическое связывание фрагментов дискурса; в конечной позиции оно оказывается в случае построения мысли по схеме «(следствие) — причина *dak*»; при этом конструкции типа «X *dak*» во многих случаях можно рассматривать как результат эллипсиса указания на причину. Тем не менее автор приводит и примеры, где такая интерпретация представляется натянутой, оставляя вопрос отчасти открытым. Отмечается, что севернорусские ЗЧ не находят прямой параллели в русском литературном языке, зато находят функциональные и даже прямые фонетические аналоги в норвежском и некоторых финно-угорских языках, в частности коми-зырянском, что свидетельствует, возможно, об ареальной природе явления. На мой взгляд, последнее наблюдение заслуживает самой серьезной разработки и привлечения большего числа языков.

Статья Дени Пайяра «A study of three particles in Khmer: *tiv*, *məək*, *coh*» рассматривает использование глаголов ‘идти’, ‘приходить’ и ‘спускаться’ (в порядке перечисления в заглавии)

³ Можно предварительно утверждать, что выражение категорий вежливости и адрессива является типичным для конечной позиции вне зависимости от типа языка, см. краткое обсуждение данных некоторых языков Азии и Балкан в [Панов 2016]. Это наблюдение требует дальнейшей разработки и уточнения.

кхмерского языка в прагматических функциях. Во всех трех случаях глаголы движения сигнализируют разные типы межсубъектных отношений «говорящий — слушающий». Автор делает нетривиальный вывод: при использовании всех трех глаголов в качестве межсубъектных прагматических показателей сохраняется базовый «каркас» ситуации перемещения, а именно наличие двух точек — начальной и конечной. При этом в случае прагматического употребления эти точки концептуализируются не как крайние точки маршрута физического перемещения, а как фокализации слушающего (*tiv*), говорящего (*məək*) или обоих участников коммуникации (*coh*) в их отношении друг к другу. Во всех случаях частицы могут как предшествовать высказыванию, к которому относятся, так и следовать за ним.

Секцию генеративных подходов открывает статья Габриэлы Соарэ «Particles and parameters in *wh*-questions». Исходя из теории антисимметрии [Kayne 1994] на материале десяти языков разных семей автор исследует роль, которую играют заключительные и прочие частицы для типологии специальных вопросов. Рассматривая такие параметры, как обязательность / необязательность вопросительной частицы и наличие / отсутствие выдвигания вперед вопросительного слова (*wh*-movement), предлагается универсальная классификация языков на базе нескольких синтаксических параметров.

Франческа дель Гоббо, Никола Мунаро и Чечилия Полетто в статье «On sentential particles: A crosslinguistic overview» представляют подробный отчет о синтаксисе, грамматикализации и семантике сентенциальных частиц диалектов области Венето, а также ретороманских идиомов. Отметим, что в целом итальянские диалекты не «славятся» элементами такого рода. Тем более впечатляет выявленное авторами богатство арсенала венецких сентенциальных частиц, в том числе и заключительных; в некоторых из говоров ЗЧ даже способны образовывать цепочки (в рамках «картографического» подхода авторы предлагают для них разные проекции). Все эти наблюдения приводят авторов к сравнению венецких частиц с хорошо известными лингвистам китайскими ЗЧ; делается гипотеза об общем для рассмотренных идиомов механизме, в результате которого частица попадает в конечную позицию, а именно о превращении частицы в аттрактор.

Каори Такаминэ в статье «Circumstantial PPs and the middle field in Japanese», исходя из теории Чинкве [Cinque 1999], предлагающей универсальную синтаксическую иерархию наречий, но не предложных групп, показывает, что предложные группы (ПГ) японского языка располагаются в жестком порядке. Иерархия ПГ следующая: время > локализация > комитативность > источник > цель > инструмент / средство > материал > способ. Отметим, причем, что, несмотря на вероятную ценность выводов статьи для лингвистики японского языка и генеративной грамматики в целом, не вполне прослеживается связь статьи с концепцией сборника: в статье не упоминаются японские ЗЧ.

В завершающей монографию статье Лоры Бейли «Word order and the syntax of question particles» рассматривается в межъязыковой перспективе синтаксис частиц общего вопроса. Статья стоит в ряду многих аналогичных статей (см., например, [Chan 2013]), пытающихся объяснить противоречие между предположительно принципом универсальной грамматики о запрете непосредственного доминирования групп с конечной вершиной над группами с начальной вершиной (так называемом *final-over-final constraint*) и наблюдаемыми в некоторых языках ЗЧ, в том числе вопросительными, при базовом порядке слов VO (классический пример — китайский язык). Это, по мнению автора, кажущееся нарушение объясняется тем, что вопросительные ЗЧ в действительности служат показателями дизъюнкции («или»), а не вопроса, а в вопросе не обязательны, не являясь, таким образом, вершинами.

В заключение отмечу, что указанная коллективная монография, невзирая на некоторые неизбежные недостатки, на которые было указано выше, и очевидную неполноту, до сих пор является наиболее успешной и практически единственной попыткой осознанно посмотреть на ЗЧ в межъязыковой перспективе. Все дальнейшие исследования в этой области, да и вообще в области сентенциальных / модальных / дискурсивных частиц, ни в коем случае не должны обходить вниманием этот чрезвычайно важный коллективный труд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Панов 2016 — Панов В. А. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // Урало-алтайские исследования. 2016. №4 (23). С. 121–128. [Panov V. A. Buryat final particles in areal-topological perspective. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2016. No. 4 (23). Pp. 121–128.]
- Прасол 1999 — Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток: издательство Дальневосточного Федерального Университета, 1999. [Prasol A. F. *Zaklyuchitel'nye modal'no-ekspressivnye chastitsy v yaponskoi rechi* [Final modal expressive particles in Japanese speech]. Vladivostok: Far Eastern Federal Univ. Publ., 1999.]
- Blakemore 1987 — Blakemore D. *Semantic constraints on relevance*. Oxford: Blackwell, 1987.
- Chan 2013 — Chan B. H.-Sh. Sentence-final particles, complementizers, antisymmetry, and the final-overfinal constraint. *Theoretical approaches to disharmonic word order*. Biberauer Th., Sheehan M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 445–468.
- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
- Cooke 1989 — Cooke J. R. Thai sentence particles: Forms, meanings, and formal-semantic variations. *Papers in Southeast Asian Linguistics*. 1989. Vol. 12. No. 12. *Thai Sentence Particles and Other Topics*. Pp. 1–90.
- Foolen 1994 — Foolen A. [Review of:] Andvik E. Pragmatic analysis of the Norwegian modal particles. *Lingua*. Vol. 93. No. 4. Pp. 307–312.
- Foolen 1996 — Foolen A. Pragmatic Particles. *Handbook of pragmatics*. Verschoeren J., Ola-Östmann J., Blommaert J., Bulcaen C. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1996.
- Haselow 2012 — Haselow A. Subjectivity, intersubjectivity and the negotiation of common ground in spoken discourse: Final particles in English. *Language & Communication*. Vol. 32. No. 3. Pp. 182–204.
- Heine et al. 2013 — Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. An outline of discourse grammar. *Functional approaches to language*. Boschoff Sh., Jany C. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 175–233.
- Hopper 1991 — Hopper P. J. On some principle of grammaticalization. *Approaches to grammaticalization*. Vol. 1. Traugott E., Heine B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1991. Pp. 17–35.
- Kayne 1994 — Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge: MIT Press, 1994.
- Le 2015 — Le G. H. *Vietnamese sentence final particles*. PhD diss. Los-Angeles: Univ. of Southern California, 2015.
- Linell 2005 — Linell P. *The written language bias in linguistics: Its nature, origins, and transformations*. London: Routledge, 2005.
- Luke 1990 — Luke K. K. *Utterance particles in Cantonese conversation*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Mulder, Thompson 2008 — Mulder J., Thompson S. The grammaticalization of *but* as a final particle in English conversation. *Crosslinguistic studies of clause combining: The multifunctionality of conjunctions*. Laury R. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 179–204.
- Ogden 2004 — Ogden R. Non-modal voice quality and turn-taking in Finnish. *Sound patterns in interaction*. Couper-Kuhlen E., Ford C. E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2004. Pp. 29–62.
- Shapiro 2012 — Shapiro R. Chinese Pidgin Russian. *Pidgins and creoles in Asia*. Ansaldo U. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 1–58.
- Sperber, Wilson 1986 / 1995 — Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and cognition*. Oxford: Blackwell, 1986; 2nd ed. with a postface 1995.
- Thompson, Suzuki 2012 — Thompson S., Suzuki R. The grammaticalization of final particles. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Narrog H., Heine B. (eds.). London: Oxford Univ. Press, 2012. Pp. 668–680.
- Traugott 2010 — Traugott E. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment. *Subjectification, intersubjectification and grammaticalization*. Davidse K., Vandelotte L., Cuyckens H. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. Pp. 29–71.